

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПРОГНОСТИКА С. ЛЕМА

Даренский В.Ю.

Луганский государственный педагогический университет,
кафедра философии и социологии, профессор

В статье рассмотрены основные принципы цивилизационной прогностики С. Лема и его конкретные прогнозы эволюции цивилизации в XXI веке. Рассмотрена позднейшая модификация С. Лемом его изначальной концептуальной схемы прогнозов, изложенной в «Сумме технологии». Это трансформация предложенных им моделей цивилизационного развития: интеллектроники (эволюции разума и создания его искусственных моделей); фантомологии – создание «виртуальной реальности», которая связана не только с компьютерами, но и с традиционными способами воздействия на сознание; биоэволюции – геной инженерии. С. Лем предупреждает о катастрофической опасности этих процессов и диагностирует кризис цивилизации, меняя взгляды в сторону традиционализма.

Ключевые слова: С. Лем, цивилизация, прогностика, модели, кризис.

CIVILIZATIONAL PROGNOSTICS OF S. LEM

Darensky V.Y.

Luhansk State Pedagogical University,
Department of Philosophy and Sociology, Professor

The article deals with the main principles of civilizational prognostics of S. Lem and his specific forecasts of the evolution of civilization in the XXI century. We consider the later modification of S. Lem's original conceptual scheme of forecasts, described in the "Sum of technology". This is a transformation of the models of civilizational development proposed by him: intelectronics (the evolution of the mind and the creation of its artificial models); fantomology – the creation of "virtual reality", which is associated not only with computers, but also with traditional ways of influencing consciousness; BioEvolution – genetic engineering. S. Lem warns of the catastrophic danger of these processes and diagnoses the crisis of civilization, changing views towards traditionalism.

Key words: S. Lem, civilization, prognostics, models, crisis.

*Ничто не стареет так быстро, как будущее.
Для меня образ этой цивилизации чрезвычайно печален.
Философ имеет право быть категоричным.
С. Лем*

Цивилизационная прогностика, осуществляемая в различных жанрах – от научной фантастики и рефлексии в свободном интервью до построения строго обоснованных научных моделей будущего – всегда составляла основной интерес С. Лема и его главное интеллектуальное достижение. У «позднего» С. Лема очень существенно сместились акценты в видении будущего цивилизации – от технократического оптимизма к гуманитарному скепсису и даже пессимизму, что в некоторых аспектах даже сближает его «поздние» взгляды с мрачными пророчествами О. Шпенглера. Этот «поворот» в воззрениях С. Лема отмечен исследователями его творчества; например, В.И. Язневич суммирует эти идеи так: «Технология влияет и на культуру, приводя её к упадку. Культура уступает развлечению» [10, с. 235]. Целью данной статьи является обобщение этого круга

идей и приведение их в некоторую систему. Такая работа важна в рамках новой парадигмы цивилизационного прогнозирования, которая в последнее время развивается как в России, так и в мире [См.: 1]. В последние годы были опубликованы ранее неизвестные прогностические тексты С. Лема в журнале «Млечный Путь» (Иерусалим) [2; 5; 6], требующие отдельного анализа; в данной же статье основным предметом нашего рассмотрения будут интервью из его итогового сборника «Так говорил... Лем» [8].

В работе «Фантастика и футурология» С. Лем сформулировал общий эпистемологический принцип прогнозирования и построения образа будущего следующим образом: «Спроектировать иное пространство возможностей, чем то, в котором мы в настоящее время находимся, сравнительно легко. Однако собрать в единый комплекс реально доступные меры, акции или направления, с помощью которых наше пространство можно будет трансформировать в нами же спроектированное, задача самая трудная из всех существующих»; в целом же «можно предполагать неудержимый прогресс в проектировании пространств, встроенных в пространства (как матрешки), пространств, пронизывающих другие пространства, “запрещенных” (аксиологически) пространств, “подвешенных” пространств (из-за их временной инструментальной недоступности), пространств с большей или меньшей степенями свободы... Даже не объединившись, цивилизация может договориться, в какое пространство будет лучше не входить обеим сторонам» (Глава 5. Ложные, но существенные прогнозы) [9, с. 188]. Таким образом, для С. Лема будущее не является линейным, то есть единым и внутренне пронизываемым пространством, но является пространством полиморфным, состоящим из множества разных «жизненных миров», непонятных друг для друга, но только как-то связанных между собой общей средой обитания. В рамках этой среды разным «мирам» придется договариваться об общих «табу» – запрещенных действиях и «пространствах» жизни. На чем основан такой принцип нелинейности? Он основан на том, что хотя главной детерминантой будущего для С. Лема является развитие технологий, но 1) сами технологии принципиально непредсказуемы в своем развитии, которое можно рассчитывать только вероятностно; 2) помимо технологий будущее всегда определяется множеством других факторов, не полностью известных.

В сборнике эссе «Мегабитовая бомба» (1999) он отметил: «Мы имеем теперь совсем не то, о чем мне когда-то мечталось. Из того, что я ожидал увидеть, осуществилось то, что оказалось доходным, то, что удалось хорошо продать» [4, с. 261]. Ныне, «к сожалению, главной целью совершенствования технологий является решение военных или финансовых задач» [8, с. 672]. С. Лем с большой иронией относился к массовой «научной фантастике» по той причине, что большинство авторов изображают будущее, лишь проецируя на него самые популярные мифы, штампы и утопии настоящего и прошлого. Он даже поссорился с А. Тарковским, полагая, что «Солярис» – это история о пределах человеческого познания, а не психологическая драма с главным героем; С. Лем твердо придерживался той точки зрения, что в будущем все будет принципиально другим – другим, чем мы это можем себе представить. По С. Лему, все прежние модели будущего потерпели крах потому, что были упрощенными, акцентируя лишь несколько тенденций развития. Вместо этого нужно создавать то, что С. Лем назвал «избыточными» моделями – то есть моделями будущего, которые основаны на фундаментальных технологических революциях, которые уже начались и неизбежно будут иметь продолжение.

Поэтому, по мнению С. Лема, «футурология политическая совершенно невозможна. Возможна только техническая, в области науки и техники. И знаете, я не ошибся, когда писал в “Сумме технологии” про то, как будет выглядеть мир, про клонацию, про то, что мы будем перенимать методы биологической эволюции, и это происходит, пусть медленно» [8, с. 719]. Как показала история, «футурологи очень зависели от таких предвидений, за которые платили наивысшую цену и которые пользовались самым большим уважением у политиков. А поскольку предвидеть военно-политические события, за которые они прежде всего брались, совершенно невозможно,

постольку ничего умного из этого получиться не могло. А вот то, что действительно имеет, хотя и опосредованное, влияние, то есть технологические последствия основных исследований в науке, их совершенно не интересовало» [8, с. 317]. Поэтому, по его убеждению, «футурологии как науки нет. Это чепуха» [8, с. 318]. Свое credo С. Лем сформулировал так: «меня интересует *действительный* путь будущей цивилизации человечества, а не то, что можно себе... нафантазировать» [8, с. 714]. При этом, давая свой синтез знаний, пишет С. Лем, «философ имеет право быть категоричным» [8, с. 336].

Среди таких категоричных мнений самого С. Лема стоит выделить его весьма пессимистические высказывания об истории в целом и о качествах людей, которые обуславливают ее ход. В частности, он говорил: «Можно сказать коротко, что история является цепью самых ужасных явлений, которые начинаются от нехорошего понимания действительности» [8, с. 719]. Почему же так происходит? Потому, что «этот мир по большей части состоит из сумасшедших и идиотов и... его судьбы в значительной степени зависят именно от этих идиотов» [8, с. 338]. Такое количество «идиотов», в очень значительной степени определяющих, по мнению С. Лема, ход истории, также не является случайностью, но вытекает из самой «природы» человека. А именно, из того, говорит он, что «бескорыстность разрушительных действий, видимо, является интегральным свойством человеческой природы. Я не говорю, что у всех, но в социологических категориях оно латентно, скрыто и проявляется всегда, когда снимаются какие-то запреты, как только возникает такая возможность» [8, с. 339]. С. Лем приводит весьма яркий пример «бескорыстного зла» из истории XX века, но сформулированный им принцип нетрудно экстраполировать и на любую другую эпоху. На вопрос: «Видите ли вы хоть какую-то возможность гармонического развития человечества?» С. Лем ответил: «Нет, не вижу... Гармоническое развитие для меня – это вид квадратного круга» [8, с. 341]. О возможности или невозможности оптимального социально-экономического и политического устройства общества он также высказался скептически: «Не существует никакого идеального устройства для реальных людей» [8, с. 712].

Эвристический статус своих прогностических моделей и общий смысл своей работы С. Лем объяснял следующим образом: «Ведь нельзя учесть то, что еще не открыто, и нельзя предвидеть то, что непредсказуемо... Можно также, и в этом и заключается моя писательская деятельность, создавать модели, показывающие, каким образом могут происходить такие перемены. Однако прошу помнить, что эти модели не претендуют на статус прогноза, который показывает, что, действуя таким, а не иным образом, в такой, а не иной научной дисциплине, мы придем к конкретным результатам, которые изменят облик цивилизации, сделают ненужными существующие арсеналы и вынудят политиков к определенным действиям. Нет, это не прогнозы *sensu stricto*, а мысленные модели, которые показывают, каким обманчивым может быть мышление, настроенное на конечные границы. Ибо обманчиво убеждение, что невозможно ничто, кроме линейного, экстраполяционного роста потенциалов уничтожения» [8, с. 313]. Таким образом, конечная цель прогностики С. Лема – это предотвращение самоуничтожения цивилизации.

Основные тенденции будущего в «Сумме технологии» (1964), изданной более полувека назад [7], С. Лем описывал с помощью трех «избыточных» моделей, которые в значительной мере оправдались дальнейшим ходом развития цивилизации – если эти модели понимать достаточно широко, без привязки к специфическим представлениям того времени, когда была написана эта книга. Это: 1) интеллектуалка (эволюция разума, как естественного, так и создание его искусственных моделей); 2) фантомология – прообраз понятия «виртуальной реальности», которая связана не только с компьютерами, но и с более традиционными способами воздействия на сознание; 3) биоэволюция – генное (хотя и не только) конструирование человечества как вида и человека как индивида. В своих поздних эссе и интервью С. Лем постоянно говорил об ошибочности ожиданий быстрого появления «искусственного интеллекта» в буквальном смысле этого

слова. Сколько бы ни развилась робототехника, она является лишь проецированием отдельных сложных алгоритмических функций человеческого интеллекта на искусственный носитель, но никак не автономным мыслящим субъектом, который бы заслуживал название «искусственный интеллект». «Я ошибся особенно в том, – говорит С. Лем, – что я поверил специалистам, которые старались внушить мне, что существует возможность скорого создания искусственного интеллекта» [8, с. 720].

Относительно прогнозированных в 1960-х годах близких контактов с другими цивилизациями С. Лем высказался еще более категорично, и при этом привел такую аргументацию, которая в 1960-е наверняка ему вообще не могла бы прийти в голову, поскольку она связана с самой радикальной критикой современной человеческой цивилизации. Он говорит: «Контакты с другими цивилизациями представляются мне совершенно невероятными. Представим, что мы общаемся с ассирийской цивилизацией, с первобытными жителями Австралии или с индейцами, которые строили свои деревни в Центральной Америке. Что интересного могли бы мы сказать друг другу? Чем таким могли бы их осчастливить, за что они не прокляли бы нас до последнего поколения? Что могли бы от них узнать? Правда, я не знаю... давайте пообщаемся с двором Короля-Солнца. Ничего, кроме ужаса, мы бы у них не вызвали. Что мы могли бы предложить? Наш чудовищно переполненный, зловонный и унифицированный мир..?» [8, с. 345]. Подобное уничижительное мнение о современной цивилизации можно встретить только у ее радикальных критиков-традиционалистов, таких, как Р. Генон, Ю. Эвола и др.

Вместе с тем, здесь важно понимать, что сама мифологема «внеземного разума» (независимо от ее фантастических образов) является весьма важным компонентом современной культуры, поскольку репрезентирует универсальные архетипы «одушевленного космоса» и «инога ума». Внеземной разум в этом смысле является универсальной смысловой моделью Иного – а вовсе не натуралистическим образом неких гипотетических «гуманоидов». Романы С. Лема посвящены именно контакту с этим гипотетическим Иным. Такие художественные исследования Иного разума на своем глубинном смысловом уровне являются особым образным аналогом философской диалектики Одного и Иного в «Пармениде» Платона и в диалектике Гегеля и уже во вторую очередь – технократическими утопиями, как они и воспринимаются массовым читателем. Этот «эзотерический» смысл фантастики С. Лема большинству его читателей остается непонятным. Суть его в том, что мы пытаемся осмыслить некий Иной разум в первую очередь для того, чтобы понять свой собственный, заняв по отношению к нему позицию внеаходимости.

«Поздний» С. Лем говорит о биоэволюции и генной инженерии, в первую очередь предупреждая об их катастрофической опасности. «Исследования наследственности в ближайшие десятки лет, – отметил он, – несомненно, будут концентрироваться в двух областях: создание с помощью этих исследований нового типа убийственного оружия (это будет оружие криптовоенного, медленного массового уничтожения) и промышленное использование управления наследственностью... можно будет создать новое оружие, гораздо более жуткое, чем атомное. Атомное оружие хоть и ужасно, но все-таки после его использования не остается никаких сомнений в том, что его применили. Это очень хорошо видно! А вот распылить над территорией врага патогенетическую субстанцию, вызывающую нарушения наследственности, можно совершенно тайно» [8, с. 311-312]. Таким образом, вторжение в геном человека создает нечто более опасное, чем атомное оружие. Добавим, что главная опасность здесь не только и не столько в возможности незаметного применения этих страшных разрушительных средств, но в первую очередь в возможности разрушения самого человека как *Homo sapiens* – создания неких «монстров» с непредсказуемыми качествами и с возможностью дальнейшего неконтролируемого распространения этих мутаций на все человечество.

Исходя из данной проблемы, С. Лем вышел на новую область своих интересов: «Одной из областей, которая более всего интересовала меня в качестве модели, является

сфера криптовоенных действий, то есть действий, причиняющих вред противнику, но которые он не может распознать как вредоносные» [8, с. 313], – отмечал он и добавлял: «Мой “Голем” перескочил эпохи, говоря, что в будущем друг с другом будут воевать искусственные цивилизационные среды» [8, с. 309]. Таким образом, война может стать неконтролируемым процессом, который будет определяться автономными компьютерными системами, а не людьми. Вследствие этого привычные политические стратегии «могут стать совершенно безрезультатными, если человеческий мир войдет в столь глубокую технологическую западню, что уже никакие политические действия не будут иметь смысла, так как будут полностью парализованы» [8, с. 315]. Как известно, этот вариант развития событий уже был обыгран в популярной научной фантастике (например, в сериале «Терминатор»), однако он, по С. Лему, имеет серьезные основания.

Определение технологии как главной детерминанты современного исторического процесса С. Лем вводит следующим образом: «Как только цивилизация вступает на технологический путь, технология становится переменной, независимой от воли индивидуумов. Каждая фаза уже достигнутого технического умения открывает возможность достижения следующей фазы, а порядок совершения открытий зависит не от того, будут ли их плоды съедобными или ядовитыми, а от уже приобретенного знания... Человек не остановится в своем познавательном движении, так как стремительность этого движения не зависит ни от решений отдельных ученых, ни от отдельных политиков» [8, с. 353]. Как известно, в привычных подходах к пониманию движущих сил исторического процесса технология определяется как нечто производное от развития науки и производительных сил. С такой точки зрения подход С. Лема выглядит как перестановка местами причины и следствия. Однако на самом деле это не так, поскольку технология у С. Лема трактуется как интегральная историческая сила, которая уже содержит в себе и науку, и ее социально-исторические предпосылки, и личные усилия людей.

При этом С. Лем вводит внешний «органон» для любой технологии – совершенство Природы. Вот его целостное рассуждение: «Есть человеческая рука и есть обрабатываемый предмет. В биологии такого деления вообще не существует. Все создается “само”. Просто сам производственный рецепт “превращается в тело”. Это *differentia specifica* Природы. Весь мой и моей “Суммы” прогноз опирается на убеждении, что люди научатся этому. Здесь возникает возможность совершить прыжок в развитии. Только, ради Бога, не следует думать, что это приведет нас к счастью. Это глупые иллюзии в отношении прогресса: чем быстрее крутятся машины, тем шире все улыбаются. Счастье человечества – это совсем другое дело» [8, с. 354]. Фактически здесь речь идет о том, что человек должен подражать природе и ее Творцу по аристотелевскому принципу «мимесиса». Однако это стремление к высшему совершенству, воплощенное в технологии, само по себе не обязательно является благом, и его «прогресс» не обязательно осчастливит человечество.

Если в «Сумме технологии» С. Лем рассматривал целый комплекс новейших технологий, то в последние годы своей жизни он относился к ним весьма скептически. Единственное исключение, которое его воодушевляло, он определил так: «Сверхпроводимость будет одной из величайших революций, которые все еще перед нами» [8, с. 621]. Основной сферой, в которой будет эффективна сверхпроводимость, по его мнению, будет передача энергии.

В качестве своего ближайшего цивилизационного прогноза С. Лем дал следующую формулировку: он «не знает, что будет происходить с миром и Европой. Я много раз говорил, что не верю в возможность достоверной оценки таких предположений. В своих взглядах на этот вопрос я близок к Попперу – не верю в историзм. Я не верю, что существуют какие-то законы развития, как не верю в то, что существуют внетехнологические, долговременные, комплексные и некомплексные тенденции» [8, с. 307]. Таким образом, С. Лем позиционирует себя как принципиального противника «историцизма», отмечая неоднократно, что вторым базовым фактором исторического

процесса, кроме технологий, является *случайность* (философское обоснование этой концепции дано в его книге эссе под общим названием «Философия случая»). В эссе «Мегабитовая бомба» он также акцентирует невозможность предсказания событий: «XXI век будет иным, чем его многочисленные предвидения, украшенные жемчужинами удивительных идей. Возможно, он будет более жестоким по сравнению с нашим кровавым столетием. То, что изначально глобально, плохо поддается предсказаниям (как распад СССР, триумф биотехнологии или объединение в сеть всей связи мира). Может быть, мир действительно не имеет края, но мы сами пропасть, а поэтому край создадим» [4, с. 224].

В ключевом для нашей темы интервью «В цивилизационной яме» С. Лем утверждает: «На всем Западе невооруженным глазом можно наблюдать упаднические тенденции. *Untergang des Abendlandes!*» [8, с. 308]. «Упадок» (*Untergang*) Запада С. Лем усматривает во всех аспектах существования этой цивилизации. В чисто практическом отношении это выражается в риске не справиться с растущими техногенными опасностями: «Существует реальная опасность, что эта цивилизация не сможет высвободить инвестиционные, человеческие и интеллектуальные средства для выхода на следующий уровень технологического развития (кроме милитаристского), который мог бы преодолеть явление истощения традиционных энергетических и материальных запасов» [8, с. 308]. Однако эта проблема практически не осознается.

Вторым аспектом упадка западной цивилизации является господство манипулятивной демократии, о которой С. Лем высказался так: «Та демократия, которая на Западе очень демократична, вызывает во мне отвращение. Речь не о том, что мне нравятся тоталитарные общества, а о том, что это направление развития демократии – это ведь не что-то, замороженное на века – мне совершенно не подходит. Демократия отличается тем, что каждый может публично выступить, если для этого есть средства и деньги, и болтать про разные вещи, например, про то, что между мужчиной и женщиной нет никакой разницы... Это уравнивание мне не нравится, потому что я – сторонник цивилизации экспертов. Есть большая разница между цивилизацией экспертов и демократической цивилизацией, в которой голосуют по любому поводу» [8, с. 327]. Как видим, возражение С. Лема относится не к самому принципу народовластия, а к институциональной форме его реализации. Тот способ волеизъявления, который представляет собой всеобщее голосование, неизбежно оборачивается профанацией, поскольку основная масса голосующих за что-то в принципе не может понимать всю сложность и суть рассматриваемых проблем – об этом могут судить только эксперты и принимать адекватные решения. Тем самым, всеобщее голосование становится профанацией народовластия и не более чем манипулятивной технологией, поскольку нужное мнение внушается людям через СМИ, которые находятся под контролем у тех, кто имеет финансовые возможности для этого. Такая критика демократии является вполне традиционной, а то новое, что вносит в нее С. Лем, – это понятие «цивилизации экспертов» как обозначение альтернативы манипулятивной демократии.

Далее С. Лем объясняет главные пороки манипулятивной демократии: «В этой самой демократии кандидатов в большие политики предлагают и “продают” теми же самыми способами, что и томатные супы в банках. Механизм точно такой же. Я воспринимаю это как прогрессирующее падение среднего уровня интеллекта политиков. Исключения, конечно же, не отменяют правил. А кроме того, в этой демократии у каждого голоса одинаковый вес: у уборщицы, профессора университета и у психопата, которого только что выписали из больницы» [8, с. 329]. То есть политика стала не более чем частью маркетинга, политик как профессионал перестал существовать и заменен обычным обывателем, а голосование уравнивает мнения экспертов и профанов.

Однако ситуация в политике является вторичной по отношению к общей деградации культуры. В частности, как говорит С. Лем, «псевдопросвещенные массы Запада стыдятся современной веры в Господа Бога, но не стыдятся искать ее фальшивые

суррогаты и заменители. Они легче принимают на веру существование летающих тарелок, чем ангелов, и Бермудского треугольника, чем ада. Такое метафизическое барахло сейчас очень востребовано. Вероятно, это противоядие – говорю сейчас интуитивно, без всяких доказательств – по отношению к распространившемуся категорическому тону науки, которая выносит окончательные суждения» [8, с. 329]. Таким образом, С. Лем признает здесь, что псевдопросвещенность является следствием навязывания «научного мировоззрения», которое по своей природе не может быть универсальным, поскольку не охватывает высшие духовные потенции человека. Но если адекватное – т.е. религиозное – осуществление этих потенций заблокировано, то это компенсируется псевдорелигиозными суррогатами. Так, отметил С. Лем, «уже тридцать миллионов книг этого дурацкого Гарри Поттера продали. Молодежь удирает от этого пересыщенного техносферой мира» [8, с. 708].

Парадокс секулярного «общества потребления» С. Лем формулирует следующим образом: «Этот мир вседозволенности иногда наполняет человека отвращением... Это расширение всеобщей коммерциализации почти тотально. Но ощущение постоянства эпохи благосостояния, кажется, уже меркнет. Для пришельцев с нашего убогого Востока все это выглядит юмористично: мед течет по бородам, все блестит и сверкает, а они какие-то озабоченные и обеспокоенные. Есть в этом далеко продвинутое отсутствие перспектив, а кроме того, ужасная гедонизация. Киселевский когда-то назвал это исчезновением “духа воина”, что следует понимать довольно широко. Не как необходимость вести битвы, а как бескорыстность исследований, бескорыстность в культуре... Эта огромная волна коммерциализации – неоспоримый факт. Для меня образ этой цивилизации чрезвычайно печален» [8, с. 325-326]. Такая общая критика современной цивилизации также является достаточно традиционной, но для самого С. Лема она нехарактерна и является самым поздним и зрелым продуктом его мировоззренческой эволюции.

С. Лем во многом присоединяется и к известной ныне концепции «электронного концлагеря». Он отмечает: «В “Осмотре на месте” я попробовал протестировать другой способ спасения для человечества, который условно можно назвать мягким электронным покорением. Только это очень дорого. Можно посадить человека в тюрьму, вовсе не держа его в заключении, если установить ему различные датчики, сигнализирующие о его местонахождении, или систему мини-камер, которые постоянно будут следить за его действиями, не давая ему возможности двигаться там, где это запрещено. Не исключено, что мы дойдем до такой ситуации, ибо разрушительная деятельность человека постоянно усиливается» [8, с. 570]. Таким образом, «в результате мы получим “Большого Брата” в глобальном исполнении. Поскольку мы имеем дело с тенденцией всеобщей кретинизации, в которой reality show являются лишь малой составляющей, поэтому порции будут увеличиваться и оказывать большее влияние. Это только начало перемен... Всем будет руководить некий автоматический Никто» [8, с. 597-598]. На вопрос: «Вы считаете, что если мы будем контактировать друг с другом “экраном в экран”, то это будет не то же самое, что лицом к лицу?» – С. Лем ответил: «Да, наверняка раньше или позже это вызовет серьезные нарушения личности» [8, с. 611]. Это касается и так называемого «дистанционного обучения», и виртуальной коммуникации в целом. Деструктивность последней С. Лем объясняет тем, что в конце концов, по мере развития таких средств коммуникации «появится неотличимость, характерная для фантоматики. Граница между тем, что натурально, и тем, что искусственно, тогда фактически начнет исчезать» [8, с. 611].

Уже на рубеже XX-XXI веков С. Лем зафиксировал катастрофические тенденции в современной цивилизации, выражающиеся в крайней культурной деградации господствующего типа человека. Он писал: «Эта абортивность, повсеместное влияние недоносков – это хилиастическая закатная истина конца тысячелетия... цивилизация, технизированная и переавтоматизированная до такой степени, что становится нашим идолом-покровителем, абсолютно всеохватывающим, который берет нас под опеку и

заботится о каждом космическом и земном шаге, становится своего рода адом, в который мы, сами того не желая, превратили наши стремления к повсеместному благополучию» [3, с. 709]. Термин «абортивность» ранее использовался М.К. Мамардашвили в его концепции «антропологической катастрофы». Он фиксирует тот факт, что современный человек, превращаясь в своего рода биосоциальный автомат, остается не рожденным как личность, поскольку живет на весьма примитивном уровне жизненных смыслов. (Отсюда возник и термин «пост-человек».) С. Лем добавляет к этому свое терминологическое новшество: «Мы вступаем в эпоху иллюстративной цивилизации, но мысли не удастся заменить на картинки» [8, с. 675]. Дегенеративные процессы в культуре выражаются в том, что «наша современность удивительно влюблена во всякую дешевую серость и лишь бы какое искусство... Если можно ВСЁ представить как искусство, то искусство уже нигде нельзя будет найти» [4, с. 223]. Последний парадокс объясняется тем, что если в основе искусства лежит «мимесис» – подражание природе, то исчезновение природы (естественного) приводит и к исчезновению искусства.

Относительно культуры в целом С. Лем фактически воспроизводит тезис всех традиционалистов, который в его формулировке выглядит так: «Патология культуры предполагает, что существует некая надкультурная норма. Если принять, что мы принадлежим к средиземноморской культуре в ее современной фазе, то следует сказать, что патология культуры царит всюду. Может быть, это обидно и удивительно, но для нас *tertium comparationis* представляет уже прошлое время. С этой точки зрения за проявления вырождений разного рода мы можем вешать одних собак на Запад, а других – на коммунизм... Современная культура напоминает ужасный желудок, который поглотил обломки всех ранее существовавших культур и создает из них кашу. Это видно в массовой культуре, где людям недостаточно их собственной религии и они ищут себе какого-нибудь гуру» [8, с. 337]. Впрочем, последний пример как раз хорошо объясняет и причину этого смешения всех культур в эпоху Постмодерна – она состоит в разрушенности живых традиций, вследствие чего их недостатки пытаются компенсировать эклектическими заимствованиями.

«Эпоха иллюстративной цивилизации», когда теряется осознание базовых смыслов человеческого бытия, порождает экзистенциальную тоску и пустоту. Особенно ясно это проявляется к таким предельным феноменам, как смерть, любовь, долг и т.д. С. Лем отмечает: «Смерть является центральным делом в жизни человека, и ее нельзя обмануть. Что тут много говорить: современная цивилизация бессильна против нее. Отсюда чудовищный страх, желание отвернуться, отсутствие достоинства и гротескная практика» [8, с. 325]. Такое избегание высших смыслов становится общей стратегией секулярной культуры. «Я считаю, – говорил С. Лем, – что в секуляризации и десакрализации скрывается много зла, но с некоторыми оговорками... секуляризация привела к тому, что сакральная составляющая в культуре практически перестала существовать. Раньше, когда она существовала и была распространена, каждое явление, будучи собой, одновременно имело свое сакральное дополнение и было окроплено освящением независимо от того, была ли это профессия, супружество или смерть. Сейчас же появляется мания уравнивания и аморфности, которая уничтожает этот стабилизирующий фактор. Это страшное и печальное явление» [8, с. 331-333]. Исходя из этого, хотя и будучи атеистом, С. Лем отмечал важность Церкви в современном мире, обусловленную тем кризисным состоянием культуры, о котором было сказано выше: «Во времена, когда все процессы и цивилизационные изменения рвут семейные связи, подмывают грунт традиционных ценностей; во времена, когда девяносто пять процентов ученых неумышленно переворачивают вверх ногами все культурные установки, существование института, который так крепко держится за традиции, очень важно» [8, с. 332]. Он также отмечал: «Будучи атеистом и зная, что религия утоляет душевные терзания, нельзя благодаря этому знанию обратиться в веру. Нельзя поверить в Господа Бога лишь потому, что от этого нам станет лучше» [8, с. 332]. Тем самым С. Лем отвергает прагматические «объяснения»

причин религиозной веры и отмечает, что она основана на специфическом опыте, который у него самого отсутствует, но наличие такого опыта у других он не отрицает. Это пример мировоззренческой корректности.

Экзистенциальный аспект «цивилизационной ямы» С. Лем проясняет на примере мифа о благотворности «свободного времени», т.е., по сути, безделья – как фактической цели прогресса «общества потребления». Он отмечает: «Если это *leisure time* станет уделом большей части общества, когда состояние безработицы станет нормальной ситуацией для очень большой части общества, конечно, при условии, что существуют возможности и энергетические источники, позволяющие поддерживать в материальном достатке миллионы людей, то существенным становится вопрос: что делать? Опыт показывает, что многие люди охотно ничего не делают, но для большей части человечества это источник колоссальной фрустрации. Вопрос замены классической мотивации жизни чем-то другим в этот момент становится проблемой первой величины. Когда общество отменно удовлетворено, когда все дозволено, как и пристало разрешительной цивилизации, когда, наконец, рушатся традиционные ценности, это действительно начинает порождать фрустрации, которые, в свою очередь, приводят к нигилистической позиции... Этот принцип можно найти еще в классике, например, в “Записках из подполья” Достоевского. Когда у нас будет уже все и человек будет загнан в Хрустальный Дворец, он, будучи не в силах сделать что-либо другое, сойдет с ума. Своим сумасшествием он проявит свою свободу» [8, с. 348-349]. Тот факт, что достижение «благоденствия» в первую очередь приводит к фрустрации и к депрессии, а вовсе не к «счастью», эмпирически фиксируется психологами в наиболее «развитых» странах мира.

С социологической точки зрения кризис цивилизации выражается в том числе и в кризисе занятости: «не подлежит сомнению, что долговременная тенденция вытеснения человека из его бесчисленных жизненных ниш уже началась и прогрессирует. Мы этого не видим лишь потому, что находимся в страшно глубокой цивилизационной яме, откуда видны лишь стены. Действительно, неизвестно, что следует делать с этой армией людей, освобожденных от работы. Неправда, что все люди способны к творческой деятельности и что из каждого можно высечь творца. Это действительно фатально» [8, с. 351-352]. Здесь С. Лем справедливо развенчивает марксистский миф о «богатстве» свободного времени, справедливо указывая на то, что для большинства людей оно является вовсе не благом, а обузой и опасностью.

Наконец, демографический кризис является фактором, принципиально влияющим на все социальные отношения. А именно, «наблюдается мировая тенденция старения общества, уменьшения в популяции процента людей здоровых и трудоспособных, увеличение количества людей больных и убогих. И она наверняка будет усиливаться... Что будет происходить в ближайшие десятилетия? Думаю, что эксперименты с крысами, которым разрешается свободное размножение, отчетливо показывают это. Сначала появляется сильное возбуждение, потом общая разъяренность, дегенерация желез надпочечников и, в конце концов, атаки агрессии и безумия. Все это, впрочем, видно уже сейчас, но никто не обращает на это внимание» [8, с. 650-651]. Что здесь имеется в виду? Речь идет о том, что вымирание социумов является неизбежным следствием «цивилизации вседозволенности», в которой имеет место описанная тенденция старения общества вследствие изменения массовых стереотипов поведения в сторону индивидуализма и гедонизма.

Общая позиция С. Лема сформулирована так: «Стоя перед лицом нашей цивилизации, я чувствую себя как у кровати тяжелобольного. Что тут могут сделать врачи? Прежде всего, надо звать священника и гробовщика... я не говорю о том, что наиболее вероятно, а именно что человечество покончит с собой при моей жизни или вскоре после этого... Лично я, основываясь на том, что происходит сейчас, очень боюсь двадцать первого века» [8, с. 355]. Он предлагает яркую метафору нынешнего состояния человечества, находящегося в «цивилизационной яме»: «Мы находимся в ситуации

человека, который спрыгнул с крыши пятидесятиэтажной высотки и в данный момент находится на высоте тридцатого этажа. Кто-то высовывается и спрашивает: “Как там?” – а падающий говорит: “Пока все в порядке”. Мы не отдаем себе отчет, что нами овладела огромная скорость. Имея все более мощные технологии, мы все слабее контролируем направление, в котором они движутся» [8, с. 673]. Однако в целом позиция С. Лема остается если не оптимистической, то стоической, твердой и конструктивной: «До сих пор технологическая западня еще не захлопнулась для человечества в том смысле, что человечество еще не обязано совершать самоубийство. Соглашение и его производная в виде сосуществования сил все еще возможны» [8, с. 353].

В чисто познавательной сфере, в области гносеологии «поздний» С. Лем в определенной степени «реабилитировал» метафизику как синтетическую форму знания. Он отметил: «Не следует отождествлять мои взгляды с позитивизмом или неопозитивизмом, поскольку я знаю и признаю, что эмпирия, то есть знание, выводимое из теорий, построенных на основе фальсификационных экспериментов, не позволяет плотно замкнуть область познания. Это означает, что эмпирия постепенно перерастает во внеэмпирию. Если присмотреться к прогрессу физики, космологии, то видно, что для закоренелого эмпирика многие современные теории и понятия этих естественных дисциплин являются уже именно метафизикой. То есть тем, что никакими экспериментами нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Нельзя экспериментально реконструировать явления, которыми занимается космогония, потому что они произошли единожды, миллиарды лет назад» [8, с. 237]. Механизм трансформации эмпирического знания в метафизическое следующий: «Разрастание изначально эмпирического знания приводит к таким утверждениям, которые являются отдаленными выводами из иных утверждений, полученных путем логико-математических рассуждений. Начала таких цепочек твердо “вбетонированы” в то знание, которое нам представляется самым достоверным, но чем дальше мы уходим от этих начал, тем больше в новой информации чисто абстрактных конструкций и одновременно тем меньше таких доказуемых последовательностей, которые могут быть явлениями для материального исследования. Поэтому можно сказать, что наука (и я вслед за нею) также надлежащим образом погранично углубляется в какие-то “метафизику”, но это пространства абсолютно нечеловеческой абстракции, несводимой к естеству человека, не имеющей ничего общего с его духовными переживаниями, например, религиозного свойства» [8, с. 237-238]. Данные рассуждения С. Лема очень важны для современных дискуссий о природе метафизику, поскольку возвращают этот тип познания к его историческим корням и устраниают его конфронтацию с наукой.

В заключение стоит отметить и оптимистические представления С. Лема о русской культуре. С. Лем говорил по-русски, читал много литературы на русском языке и общался со многими русскими учеными. Фактически, какой-то стороной своего мировоззрения он принадлежал к русской культуре и знал ее очень хорошо, испытывая особый пиетет перед Ф. Достоевским. Для нашего времени представляется ценным следующее его наблюдение: «Температура у русских, когда они ощущают интеллектуальное приключение, значительно более высока по сравнению с тем, что происходит в других странах. Сартр, когда возвращался из Москвы, был буквально пьян от того, как его носили на руках. Я тоже это испытал. Русские, когда кому-то преданы, способны на такую самоотверженность и жертвенность, так прекрасны, что просто трудно это описать» [8, с. 298]. Исходя из этого личного наблюдения С. Лема, можно сделать вывод о высокой «культурной пассионарности» русских и способности усваивать все самое ценное в других культурах, а также высокой способности к личностным контактам. Эти качества очень важны для нашего времени.

Обобщая краткий анализ нашей темы, следует отметить, что прогностика «позднего» С. Лема парадоксальным образом тяготеет не к прогрессизму и технократизму, а к традиционализму – но не в смысле какой-то определенной идеологии,

а как базовой установки на сохранение в культуре определенных универсалий, без которых само ее воспроизведение становится невозможным. В качестве таких универсалий, отмеченных самим С. Лемом, можно выделить следующие: 1) непрерывность технологического прогресса и неопределенность его последствий; 2) «дух воина» и ответственность перед лицом смерти; 3) идеал «цивилизации экспертов» в противовес манипулятивной демократии; 4) феномены патологии культуры, «кретинизма», «мира вседозволенности» и «иллюстративной цивилизации», в которой деградируют вербальные и мыслительные процессы людей; 5) «неустранимость метафизики», вполне совместимой с эмпирической наукой в качестве целостного образа реальности.

Список литературы

1. Арефьева Н.Т. Прогнозирование социокультурного развития и перспективы человечества: Монография. Иваново, 2010. 280 с.
2. Лем С. Зонд в рай и ад будущего // Млечный Путь (Иерусалим). 2013. № 1. С. 152-177.
3. Лем С. Мой взгляд на литературу. М.: АСТ, 2009. 857 с.
4. Лем С. Молох. – М.: АСТ, 2006. 781 с.
5. Лем С. Попытка прогноза // Млечный Путь (Иерусалим). 2013. № 4. С. 199-204.
6. Лем С. Предварительный анализ XXI века / Млечный Путь (Иерусалим). 2013. № 4. С. 193-199.
7. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002. 669 с.
8. Лем С. Так говорил... Лем / Сост. Язневич В. М.: АСТ, 2006. 764 с.
9. Лем С. Фантастика и футурология. М.: АСТ, 2008. 624 с.
10. Язневич В.И. Философ будущего Станислав Лем // Четвертые Лемовские чтения. Сб. мат. Всеросс. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. А.Ю. Нестеров. – Самара, 2018. С. 228-241.

ИДЕЯ «НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ» В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Демин И.В.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, кафедра философии, профессор

Рассматривается и анализируется трактовка «научного мировоззрения», предложенная В.И. Вернадским. Показано, что термин «научное мировоззрение» используется Вернадским в значении синонима понятий «наука», «научное знание», «научное мышление», «научный способ постижения мира», какой-либо дополнительной смысловой нагрузки он в себе не содержит. Понятие «научное мировоззрение» выражает тщетное стремление сохранить концептуальное единство философского и научного знания, не растворяя при этом философию в теории и методологии науки.

Ключевые слова: научное мировоззрение, научное познание, научный метод, метафизика, философские основания науки, позитивизм, сциентизм, философский реализм Вернадского.